

К Дню освобождения Южного Сахалина и Курильских островов

от японских милитаристов

РИТМ СЕРДЦА — ВЕХИ ИСТОРИИ

Более 55 лет значимому историческому событию — освобождению нашего города от японских милитаристов. О боевых действиях в г. Маока написано не очень много, но лаконично, точно, предельно достоверно. По сей день жива память в народе о погибших героях. Их именами названы населенные пункты — п. Николайчук, с. Чапланово, п. Симаково. В центре Холмска есть братская могила воинов-десантников. К сожалению, непосредственных участников той десантной операции в городе почти не осталось. Это бойцы батальонов 113-й отдельной стрелковой бригады, входящей в состав 16-й армии Второго Дальневосточного фронта, которым пришлось принимать участие в дальнейшем освобождении Южных Курил. Это и моряки-десантники 356-го отдельного батальона морской пехоты, которые после освобождения Холмска прошли вдоль побережья до острова Монерон, воевавшие вплоть до освобождения Корсакова, когда через три дня произошло их соединение с войсками Второго Дальневосточного фронта и Сахалин был полностью освобожден. Для проведения всей освободительной операции были привлечены также корабли Северной Тихоокеанской флотилии.

На Сахалине и Курилах живут участники тех событий, люди заслуженные, прожившие нелегкую, но интересную, богатую событиями, жизнь.

Как бы она ни складывалась в дальнейшем, они были всегда в гуще событий, как и во время войны — на переднем фронте.

Вот об одном из таких людей — Павле Поликарповиче Бузинине и пойдет мой рассказ. Жизнь Павла Поликарповича сложилась так, что с 16 лет началась его трудовая деятельность. Парнишкой рыбачил он в родном колхозе, позжестроил нефтепровод Оха — Комсомольск-на-Амуре.

Жил Павел на великой реке Амур, оттуда и в армию ушел добровольно, хотя имел военную броню. Не

мог комсомолец Бузинин трудиться на стройке, когда его друзья-товарищи шли воевать. Пришел со всеми на призывной пункт, где, посмотрев его документы, члены призывной комиссии хотели даже отправить юношу назад домой. Но парень не согласился, проявив настойчивость и решительность. Так попал Павел в учебный батальон, потом — нелегкая военная служба. До конца войны на фронт так и не послали, хотя желание изъявлял не раз. Служил Павел в легендарном Волочаевском полку в Де-Кастри. Однажды погрузили молодых бойцов на судно в трюмы, и на третьи сутки ночью прибыл Павел Бузинин в порт Холмск. Расположились в казармах и палатах, позже на этом ме-

сте на ул. Шевченко (старожилы, наверное, помнят) был госпитализирован. А чуть более, чем через двое суток, они были переброшены во Владивосток. Строили казармы, несли береговую охрану.

На Сахалин, — рассказывает Павел Поликарпович, — отправили бойцов из полка выборочно. В основном комсомольцев, бравых ребят, нерадивых не брали. Мы думали, что будем воевать, но не пришло. Освободительные бои на острове к моменту нашего прибытия уже завершились. Если бы продлилась война, воевать были готовы.

В армии П. Бузинин прослужил до 14 июля 1950 года. За это время закончил 21-ю окружную Сахалинскую интендантскую школу. Служил вначале писарем, потом старшим писарем.

После войны отец, демобилизовавшись из армии, завербовался на Сахалин, в Поронайский район. Там на рыбокомбинате работал главным бухгалтером, туда привез жить мать Павла. Позже к родителям приехал и Павел. Пока служил в армии, женился на славной девушке Ниине. Больше пятидесяти лет прожили они в дальнейшем душа в душу. Только смерть Ниине Владимировны смогла их

разлучить. Воспитали супруги Бузинины троих детей, дали всем высшее юридическое образование. Теперь сыновья уже сами пенсионеры, но продолжают трудиться. Подрастают внуки, среди которых есть старший и младший лейтенанты.

А работал Павел Поликарпович всю жизнь в рыбной отрасли, начиная с помощника мастера на Поронайском рыбокомбинате, начальника цеха в Атласово, заведующего рыбунктом. Когда дети подросли, решили перебраться на материк, поближе к родителям жены, но ребятишки на новом месте не прижились, болели. У старшего сына начались проблемы со зрением, у дочери — с легкими. Врачи посоветовали вернуться на Сахалин. Вернулись. Жилья нет, все надо было начинать с нуля. Но не такие люди Бузинины, чтобы сдаваться. Перебрались на Курилы, где и проработали до 1964 года. Там Павел Поликарпович работал начальником цеха. Там же на Курилах пошел учиться. Закончил сначала восьмой, потом девятый классы. Позже, уже живя в п. Правда, закончил одиннадцатый класс вечерней школы и Невельское мореходное училище,

экономическое отделение заочного.

Нагрузка была, конечно, огромная. Павел Поликарпович работал тогда на правдинском бандарном заводе старшим мастером, был секретарем своей партийной организации, председателем совета секретарей партийной организации прадинского куста, членом Холмского горкома партии. Но все нагрузки выдержал, все трудности преодолел коммунист Бузинин. И позже, когда работал уже в Холмском УМРЗФ, от работы не бегал, перед трудностями не пасовал. В конце 60-х дети поступили учиться в вузы, а получал тогда Павел Поликарпович оклад 155 рублей, да жена — 85. Чтобы как-то улучшить материальное положение семьи, попросился Бузинин работать в море. Жить стало легче. За восемь с половиной лет его работы в море постепенно встали на ноги, так как в среднем за экспедицию набегало более 500 рублей. Может так бы и ходил в море, да в это время началось строительство Холмского рыбного порта. Коммуниста Бузинина рекомендовали на должность начальника. Не согласился. Помогать помогал, но свой пост начальника холдингового не оставил. Только когда в 1978 году по линии горкома партии он был назначен директором рыбоконсервного завода, возглавил его.

С здоровьем долгое время не знал проблем. Отец, видно, наградил, богатырь был, больше двух метров ростом, косая сажень в плечах. Но один случай — пожар в одном из цехов завода по вине сварщика здорово сильно подкосил. Тогда еще до конца Павел Поликарпович не осознал случившегося, выскочил в одном трико тушить огонь, который быстро удалось ликвидировать, и сгоревшую крышу за три дня восстановили, а пришел домой — стало плохо. Инсульт. Отправили в больницу, подлечили, но очень спешил Павел Поликарпович на завод. Была пугтина, шла горбуша с восточного побережья, сильно шла, думал без него не справится.

И смерть горячо любимой жены, которую тяжело переживает старый боец, тоже отразилась на его здоровье. Но человек П. Бузинин — стойкий, очень активный, жизнерадостный. Много лет он возглавлял городской совет ветеранов, да и пенсию ушел только в 1996 году. Землю очень любит, все время ее облагораживает, выращивая ягоды-овощи на дачном участке. Он, дай Бог, и болезнь свою ненадолго одолеет.

А мы желаем Павлу Поликарповичу в светлый праздник — День освобождения Сахалина и Курил от японских захватчиков не терять силы духа, бодрости, оптимизма и как можно дольше оставаться в строю.

В. СЛАБИНСКАЯ

Рассказ Алексея Прокопьевича Губаря, бывшего командира отделения второго стрелкового взвода, второй роты, 4-го батальона

Нашей роте было приказано ночью на 21 августа занять позиции на случай, если по железной дороге из Тойохары последует подкрепление.

Любой ценой нужно задержать, не допустить японцев до Маока.

Где-то вблизи станции Экинохара, переименованной позже в честь Бориса Николайчука, мы начали окапываться, с помощью саперных лопаток врызались в каменистый грунт. Это была наша засада, но противник обнаружил ее и завязал с нами перестрелку.

Двадцать первого августа с утра перестрелка усилилась. Чтобы выявить огневые точки противника, командир батальона майор Петров принял решение докомпликовать один из орудийных расчетов лучшими бойцами. Туда и попал младший сержант Борис Николайчук, заряжающий с первого орудия.

Командиром орудия был сержант Иван Райков, водчиком — сержант Бородин. Николайчук назначили замковым, заряжающим был Александр Бобылев. Подноскиами снарядов — Артемов и Комлев.

Этому расчету поставили особое задание — выкастить пушку по железнодорожному полотну, приблизиться к туннелю метров на 250—300 и открыть огонь. Родные артиллеристы быстро выкатили орудие и открыли огонь. По ним застрочили японские пулеметы. Сразу же свалились ранеными сержант Райков и заряжающий Бобылев, стрельбу продолжали двое — Бородин и Николайчук. Отполз подбитый Бородин, Николайчук стрелял один. Получил ранение в руку и Борис Николайчук, но, истекая кровью, произвел еще несколько выстрелов, пока не упал снасмerte.

С наступлением темноты бой прекратился. С утра 22 августа над ущельем стоял густой туман, слышались лишь отдельные выстрелы. Когда туман рассеялся, рота начала наступление. Бойцы спустились с косогора внизину, к ручью. За ручьем рота залегла.

Нашему взводу приказано было продвигаться по

хребту. Отсюда открывался вид на всю ложбину. Вскоре противник нас обнаружил, и над нами засвистели пули. Поступила команда залечь полукошкой и окопаться. Мы оказались у противника на правом фланге.

Не помню, который час был, когда соседние роты из ложинки стали карабкаться вверх. Послышались крики «ура», автоматная трескотня, короткие пулеметные очереди, взрывы гранат. И тут я обнаружил цель. Кричу: «Крутых, ко мне!» Это наш снайпер. Не отзывался он минут пятнадцать. Я снова передал вызов по цепи. Крутых как раз вынырнул сзади. Я рад, что он жив, но попенял ему за задержку. Оказалось, был при командире взвода. Показал я снайперу, где находился вражеский офицер (об этом свидетельствовали телефонная трубка в правой руке и бинокль на груди). Офицер был осторожен: он то появлялся, то куда-то пропадал. Я приказал Крутых лечь на мое место. Он пригнулся, стал искать оптическим прицелом и через какое-то время коротко сказал: «Вижу». Я знаю, что снайперу ничего нельзя говорить под руку, поэтому затянул дыхание, лишь слежу за его пальцем на спусковом курке. И все равно не уловил момент, когда он его нажал. Выстрел! — Есть!

Так же неспешно ефрейтор перезарядил винтовку и снова замер. Солнце печет, каски наши раскалились. Гляжу, как у него катится капля пота и оставляет след на щеке. Лежим мы неподвижно минут пять. Там трескотня, крики, а мы не шелохнемся. Еще выстрел!

— Есть и второй! Теперь меняем позиции — живо! Едва я приподнялся, как почувствовал резкий толчок в левое плечо, будто я на что-то наткнулся. Я сел на землю. Боли никакой нет, а кожей своей чувствую, как по моей спине течет что-то теплое. Я взглянул на левое плечо и увидел, как по гимнастерке растекается темно-красное пятно. Да ведь я ранен! Пришло позвать на помощь. А сам подумал, что голос у меня какой-то тихий, будто я испугался. Стараюсь взять се-

подающие хороший праздничный концерт. Особую благодарность жительница села Чапланово Валентина Михайловна Крючкова прошла передать танцорам из Холмского ЦРДК.

Не подвела в этот день и погода, выпадала, как по заказу, теплая, ласковая. А вечером небо украсил не забываемый фейерверк, хорошее настроение создала веселая дискотека.

В. КОПЫЛОВА

бя в руки, твержу себе, что не так уж страшен этот бой, не так уж опасна рана, надо лишь ее перевязать. Тут левая рука онемела, и я громче позвал на помощь.

Подполз наш ротный санинструктор Мячинков и сел возле меня. Не успел он приступить к перевязке, как рядом взвизгнула пуля.

Я крикнул: «Ложись!» Мячинков потом мне сказал, что у меня получился стон, а не крик. Упали мы оба в бамбуковые заросли, лежим, дышим тяжело, а я думаю: «Как не вовремя меня ранило!»

Мячинков говорит мне: «Залезай ко мне на спину, я тебя вытащу». Я отказался, все-таки стыдно ездить на чужой спине. Попросил его, чтобы снял с меня снаряжение, саперную лопатку, две гранаты, противогаз, запасной диск. Вползли мы с ним в укрытие, разрезал он мне гимнастерку, снял ее. Тут только я увидел собственную кровь, застывшую в черных сгустках. Нехорошо как-то стало. «Вот, — говорит Мячинков, — сделали тебе дырку, хоть чопник ее затыкай». Перешибовал он меня от горла до самого пояса, подозвал солдата: «Раненый потерял много крови, понесешь его на себе». Решил я сам передвигаться, отдал солдату лишь свою амуницию. Сначала мы пошли в полный рост.

Маркин вырвал два лопуха, прикрылись мы ими от солнца и потопали, в зарослях нашли мы санчасть. Под кустами и в палатах дежали раненые. Всем вновь прибывшим санинструктор делал противостолбнячный укол. Поблагодарил я Маркина за помощь, лег на спину.

Ночью внесли меня в палатку, где было электрическое освещение, положили на стол. Лежу я с закрытыми глазами, страдаю, как слышу голос хирурга:

— Повезло парню, кость не задета. Заживет как на молодом, через неделю будет как медсестрами стрелять.

Поздно вечером погрузили нас на платформы, отвезли в Маока, а оттуда рано утром, собрав всех раненых, отправили в Севавань. Там нас ждали в специально оборудованном госпитале. Тесно было, а все же намного лучше, чем на шинели под кустом или в трофеем парохода.

Александр ДОЛУДА.

(Из книги «Дважды рождённая»).

ОАО «ХОЛМСКИЙ МОРСКОЙ ТОРГОВЫЙ ПОРТ»

объявляет набор на курсовое обучение руководителей и специалистов по вопросам охраны труда, а также на курсовое обучение по специальности «Машинист (кочегар) производственных и бытовых котельных».

Обращаться: г. Холмск, ул. Катерная, 1, каб. 15. Телефоны: 96-4-46, 96-5-14.

Нынче праздник на селе

ва, Ангелину Хохленко, Полину Булаеву, Даниила Криштона.

И, конечно, состоялось награждение победителей конкурса «Лучший двор». Среди них чаплановцы Л. Вовк, А. Дремлюгова, Т. Рыбачук, жители сел Пожарское Г. Мацюк, Т. Водоласская, Ю. Рыбачук, Бамбучки — Н. Родная, П. Птирец — Г. Кожухо-

вич, Ю. Остапенко, В. Ищенко.

Наградили в тот день умелых художников, рукодельниц, мастеров изготовления мягкой игрушки, цветоводов, а также сельчан, представивших на выставку чудесные дары Сахалинской земли.

Порадовали и гостей, и

хозяев участники художественной самодеятельности, ворожденных Яна Рукано-